

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 128

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-460-467

Трагедия смерти и драма жизни

Лосев А.В.

г. Москва

E-mail: lavpsi@mail.ru

Аннотация. Противоречивое единство жизни и смерти обнаруживается уже в самом рождении смертного по природе существа. Жизнь несомненное благо. Но рождающийся появляется на страдания и смерть. Смерть несомненное зло. Но умирая, рожденный смертный обретает покой. Одно из противоречий отношения к смерти заключается в выборе принимать смерть или нет. Нравственным будет неприятие смерти как зла, которому необходимо сопротивляться и не дать произойти, чтобы это зло не вошло в мир через меня, мою волю. Не принимать смерть как порядок вещей, но принимать свою смерть в порядке вещей. Другое противоречие отношения к смерти состоит в выборе благоговеть перед смертью или презирать смерть. Благоговейное отношение связано с причастностью человека таинственным явлениям, таким как зачатие, душа, Бог, тому что несравненно превосходит и объемлет его существование как по масштабам, так и по значению. Смерть вызывает благоговейный трепет естества. Вместе с тем презрение позволяет воспринять смерть трагически, как вселенскую неправду жизни, неестественное и уродливое явление. Варианты отношения к смерти не будут однозначными: презрение смерти телесной и одновременно благоговение перед смертью как событием жизни; принятие своей смерти и одновременно неприятие смерти как космической закономерности, судьбы, рока. Смерть носит личный характер, поскольку это всегда моя смерть. Личный характер смерти определяет и личное к ней отношение. Можно отгородиться от размышлений о смерти и не сформировать собственного отношения к ней, а позаимствовать чужое. Но смерть непосредственно коснется всего моего естества, и я не останусь безучастным к собственной смерти. Вся схваченная в моменте смерти жизнь предстает как драма на фоне трагедии смерти.

Ключевые слова: трагедия, драма, жизнь, смерть, память смерти, неприятие смерти, благоговение, презрение.

Для цитирования: Лосев А.В. 2020. Трагедия смерти и драма жизни. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 460–467. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-460-467

The tragedy of death and the drama of life

Alexander V. Losev

Moscow

E-mail: lavpsi@mail.ru

Abstract. The contradictory unity of life and death is revealed in the very birth of a being mortal by nature. Life is an undoubted good. But the one who is born has to suffer and die. Death is an undoubted evil. But when those who are born mortal die, they find peace. One of the contradictions is whether we should accept death. It will be moral to reject death as an evil which we should resist and prevent, so that the evil does not enter the world through my will. So that we accept as a matter of course not death in

general, but our own death. Another contradiction is whether we should be awed by death, or despise it. A reverent attitude is caused by the connection of the person with such mysterious phenomena as conception, soul, God, which incomparably exceed and encompass his existence both in scale and meaning. Death evokes awe in our souls. At the same time, contempt allows us to perceive death tragically as a universal untruth of life and an unnatural and ugly phenomenon. Possible attitudes to death are not unambiguous. We condemn the death of body and in the same time revere it as a vital phenomenon. We accept our own death and reject it as a cosmic law or fate. The philosophy of life and death is possible in a state of serenity, when one is able to concentrate and consistently think of oneself in the flow of life. The very nature of one's existence prevents a clear understanding and distinct description of life and death as events occurring in one's life. We can predict death by looking at its forms, but we can't be sure about it. Here all speaking is met with a stupor in an attempt to identify with death in the act of understanding penetration. Mortal memory is different from the rational way of viewing death. It is not a constant reflection on death, but the awareness of our mortal nature which is not accompanied by constant thoughts about death. It is a sober and humble attempt to look at oneself from the future moment of eternity, to view one's life as a whole. Death is personal, because it is always my death. The personal nature of death also determines personal attitude to it. One can isolate oneself from thinking about death and choose not to form one's own attitude to it, but borrow the understanding of it from someone else. But death will directly affect my whole being, and I will not remain detached from my own death. The whole life captured in the moment of death appears as a drama contrasted with the tragedy of death.

Keywords: death, mortal memory, rejection of death, reverence, contempt.

For citation: Losev A.V. 2020. The tragedy of death and the drama of life. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 460–467 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-460-467

*Господь! Всем смерть свою предуготовь,
чтобы в нее впадало естество,
чтоб смысл в ней был, чтоб в ней была любовь.
Р.М. Рильке*

Было время, когда меня не было, и будет время, когда меня не будет. Отмеренная данность моей жизни, схваченная в своей целостности, обнаруживает предел всех моих поступков. Всякий момент жизни, не заканчивающийся смертью, еще не конец. И из него, из этого момента, нельзя взглянуть на жизнь в целом. Жизнь может быть трагически осмыслена в конце. Пока мы находимся в потоке жизни, то имеем дело не с целостностью, а с частями жизни, которые еще не получили всеохватывающего взгляда в прошлое.

Трагедия смерти может быть по-настоящему понята в момент смерти, когда человек осознает, что до этого он ошибался и все оценивал неправильно, не из того масштаба. И поскольку само осознание и понимание приходит в момент смерти, то высказать пережитое видение человек не успевает или не может, потому что для описания надо привыкнуть жить в новом качестве, а на это не остается времени. Как младенец, только родившись и не освоившись еще жить в новом для него мире, осознавая уже, ощущая мир, но еще не владея языком, не имея еще позади достаточно опыта жизни в новом для себя мире, не может описать, что с ним происходит, так и умирающий человек, стоя на пороге смерти уже осознает открывшуюся ему истину, но еще не может вполне понять, а уж тем более высказать увиденное и переживаемое. Невозможно искусственно создать ситуацию, в которой бы я понял, что такое смерть, потому смерть – это не игра, не драма жизни.

Смерть – это сама жизнь, завершающая свое движение, достоверность самой жизни, которая гаснет. И после только – мрак неведения для живых, перешагнувших границу жизни. Живые могут творить потустороннюю реальность в мысли, но мои мысли о смерти и загробной жизни не имеют никакого отношения к тому миру, если допустить его существование. «Насколько велика нравственная потребность верить в продолжение личного бытия за земными пределами, настолько же велика невозможность ясно и адекватно его себе вообразить» [Лопатин, 2004]. На постели в окружении родных или в горячке боя, в одиночестве или на миру, насильно или по собственной воле – ничто не дает нам знания смерти, ни обстоятельства, ни характеристики умирания. Тот мир настолько иной, что невыразим по отношению к нам известному. «Не видел того глаз, не слышало того ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор. 2:19). Всякое наше описание смерти будет страдать даже не приблизительностью, а невыразимым несовпадением той реальности и нашего о ней представления.

Противоречивое единство жизни и смерти обнаруживается уже в самом рождении смертного по природе существа. Жизнь несомненное благо. Но рождающийся появляется на страдания и смерть. Смерть несомненное зло. Но умирая, рожденный смертный обретает покой. «Смерть сущностно амбивалентна: она отрицательна и есть зло, поскольку разрушает один из видов неабсолютного бытия – наше физическое, эмпирическое бытие; но положительна и есть добро постольку, поскольку позволяет осуществиться эмпирическому бытию других, и тем самым наполнять полноту бытия. Однако ее позитивность именно для человека состоит не только и не столько в этом, сколько в том, что факт конечности его земного бытия является стимулом и осуществления его личности в вечности – независимо от того, как понимается сама вечность: или как бессмертие души, или как память в поколениях и след в культуре» [Даренский, 2016]. В рождении есть тепло жизни, но и холод отчуждения. В смерти чувствуется холод пустоты, но и тепло колыбели, возвращение естества к собственным истокам. Сама жизнь в лице смерти выводит нас за пределы самой же себя, открывает новое измерение жизни. «Человек родился. Кто не видит дальше непосредственной жизни, тот обязан считать это действием судьбы. Но кто знает и любит то родное и всеобщее, что его породило, тот рад своему рождению, тот благодарит жизнь за свое рождение, тот считает свое рождение своим счастьем и своей волей, тот стремится выявить и выражает сознательно и вольно то, что ему жизнь дала до его сознания и без его воли» [Лосев, 1993]. Мысль, обращенная к истокам зарождения жизни человека, сталкивается с немислимостью и величием перехода из небытия в бытие. Тайна рождения не в том, что человек зачался в биологическом смысле, а в том, как он начался.

Жизнь и смерть первичны по отношению к мысли. Сомнение, мышление и познание идут следом. Наша мысль уже имеет дело с данностью существования. Мы вроде бы знаем, что такое смерть, но мы только видим смерть тела, а что там внутри человека происходит, мы не знаем, это для нас тайна, покрытая мраком. Мы можем верить, догадываться, фантазировать, но знать смерть мы не можем. «Мы ничего не знаем про уход / раз навсегда ушедших. И не нам / судить о смерти, забежав вперед, / приглядываясь к сдвинутым чертам // на маске трагедийного конца. / Пока мы здесь разыгрываем роли / в надежде славной лицедейской доли, – / играет смерть от своего лица» [Рильке, 1977]. Непонимание, тупик, остановка мысли касаются не только смерти, но и жизни моего я, сознания. Отличие в том, что я не могу указать на смерть также, как и на мое я. Смерть – это не то, что я думаю. Мы живем среди множества несказанностей, но принуждаемые жаждой познания говорить о тайнах бытия, обращаемся к языку образов, поэзии, мифам.

Рассказывать и писать о смерти необычайно легко и вместе с тем невероятно трудно, почти невозможно. Легко, потому что смерть происходит с другими, не касается меня

лично. Тяжело, поскольку при всей своей однозначности и определенности смерть неуловима для мысли и слова. Разговор о смерти носит описательный характер, мысленный взгляд не проникает внутрь, а скользит по поверхности. Агонизирующее в конвульсиях тело выразительнее всего свидетельствует о смерти, которая скрыта покровом безмолвия и мрака. Но умирание еще не есть смерть. И по лицам умирающих мы догадываемся, но не можем наверняка знать о смерти. Здесь всякое говорение наталкивается на оцепенение, в попытке отождествиться со смертью в акте понимающего проникновения.

Для понимания требуется опыт жизни. Но опыт жизни не дает опыта смерти. Философия может быть только изнутри жизни. Можно порой жить, совсем не вспоминая о смерти. Но невозможно говорить о смерти без предшествующей жизни. Смерть необходимо требует жизнь, а жизнь смерти не требует и не предполагает. Мы живем так, как будто смерти нет, как бессмертные существа, вопреки логике. Философия смерти – это мысли живых о самих себе. Рассуждения о смерти, это мысли живого человека, который видит мертвое тело, касается его взглядом, руками, мыслью, но не может проникнуть внутрь, потому что этого внутреннего нет, а есть только плоскость, поверхность. И даже мертвое тело мы воспринимаем как живого человека, воссоздаем, творим его в своем сознании, достраиваем и наделяем качествами, которые когда-то были присущи носителю тела. Не мозг носитель ума, и не тело носитель души. Человек носит свое тело, заключает его в себе.

Философия жизни и смерти возможна в состоянии безмятежности, когда я способен сосредоточенно и последовательно мыслить себя в потоке жизни. Горячка жизни и холод смерти не располагают к философии. Сам характер моего существования препятствует ясному пониманию и внятному описанию жизни и смерти как событий, происходящих в моей жизни. Я сам для себя являюсь помехой в силу своего образа жизни. Не могу или не хочу осознавать и понимать себя и свою жизнь. Размышления о собственной жизни тягостны. Думать же о смерти и вовсе невыносимо. Да мы и не думаем о смерти. Не вспоминаем, пытаемся забыть, сопротивляемся мысли и разговору о смерти. Беспамятство жизни касается не только смерти. Человек без интереса относится даже к самой очевидной и непосредственной данности своего я. К пониманию смерти может пробудить осознание конечности не просто жизни моего тела, а именно окончание существования моего я как событие, имеющее отношение лично ко мне.

Смерть носит личный характер, поскольку это всегда моя смерть. При обезличивании и попытке «объективного» подхода она перестает быть смертью человека. В то же время смерти безразлично кто и как умирает. Мы сами персонифицируем смерть, наделяем субъектностью. Смерть приходит, наступает, «проходит мимо» (С.П. Гудзенко). Смерть – «это исключительное личностное событие жизни, предполагающее глубочайшую индивидуальную вовлеченность и соответственно собственные экзистенциальные решения. Коллективного опыта смерти не существует; смерть другого и других не прибавляет никакого опыта и знания для конкретного человека, которому предстоит умереть особо, присущим лишь ему одному способом» [Варава, 2005]. Личный характер смерти определяет и личное к ней отношение. Можно отгородиться от размышлений о смерти и не сформировать собственного отношения к ней, а позаимствовать чужое. Но смерть непосредственно коснется всего моего естества, и я не останусь безучастным к собственной смерти.

Всматриваясь в себя, будучи погруженными в мареву жизни, мы можем никогда и не узнать к чему было все это. Так и не понять зачем я жил, даже и не задаться таким вопросом. Но если суждено задаться, то надо иметь смелость честно признаться, что мне недоступен общий план моей жизни и таинственный ее смысл. «Договоримся так: когда

умру, / ты крест поставишь над моей могилой. / Пусть внешне будет он как все кресты, / но мы, дружище, будем знать с тобою, / что это – просто роспись. Как в бумаге / безграмотный свой оставляет след, / хочу я крест оставить в этом мире. / Хочу я крест оставить. Не в ладах / я был с грамматикой жизни. / Прочёл судьбу, но ничего не понял» [Рыжий, 2012]. Простота очевидности, с которой мы рождаемся, живем и умираем, питает наш ум вновь и вновь обращающийся к тому что видно, но не глазами, а умом.

Смерть может застилать горизонт мысли, чем продолжительнее и чаще мы размышляем о ней. Представляется, что все остальное по сравнению с ней ничтожно. Вся наша жизнь и стремления меркнут рядом с величием и таинственностью конца жизни. «Увитая мистицизмом "смерть" представляется бесконечною, огромною, всезакрывающею. Но ведь с таким же правом и жизнь может потребовать себе мистического одеяния: и под его покровом она представится еще неизмеримо бесконечнее смерти, бесконечнее смыслом своим, драгоценностью своею, милостью своею... А если вы жизнь, еду, довольство, литературу признаете только "маленькими эмпирическими фактами", то позвольте мне и на смерть взглянуть, что вот я "простужусь, будет воспаление легких, поколет в груди, покашляю и – умру"... Эмпирический факт смерти не длиннее всякого эмпирического факта в жизни, а мистический факт смерти гораздо короче и проще факта жизни под углом мистического на нее воззрения... Пожили. Любили. Трудились. Осмысливали, многое осмыслили... Сказать, что это "ничто", и будто "смерть поглотит все" – чепуха. Не поглотит же она моей бывшей радости, да и вообще ничего она не поглотит, потому что и нельзя ей ничего поглотить, кроме вот той недели, "когда я простужусь и начну кашлять". Ну и пусть возьмет ту неделю. Это так же просто, как то, что сегодня у меня не было денег и я не пообедал» [Розанов, 2016]. Смерть предстает насколько значительной и таинственной, настолько будничной и бессмысленной. Смерть – это событие жизни. И хотя в сравнении с жизнью смерть может восприниматься более пронзительным и трепетным происшествием, это обстоятельство не лишает жизнь смысла.

Смерть внезапна и неожиданна. Вневременной переход от жизни к смерти характеризует понятие «диалектического мгновения, или мига (εξαίρνης – вдруг)» [Платон, с. 500]. Но смерть может быть желанна и долгожданна. Она быстрее слова, которым ее называют. По-сербски слово «смрт» звучит так, как будто человек споткнулся или запнулся на полуслове. Смерть короче «εξαίρνης», но дольше памяти о смерти. Смерть представляется нам ужасной, пугающей и вместе с тем – тихой и спокойной. «Человек умирает. Тот, кто не видит ничего кроме жизни и кто ослеплен ее непосредственным явлением, тот переживает свою смерть как ужас, как трагедию, как бессмыслицу. Но тот, кто знает и любит то свое родное и всеобщее, которое его породило и теперь – со смертью – принимает его в свое лоно, тот считает свою смерть нужной и своевременной, тот рад жизненному труду, борьбе, страданиям и радостям, рад и тому, что так или иначе он выразил себя и выявил себя, так или иначе раскрыл, развернул свою природу, рад жизни и спокоен перед смертью» [Лосев, 1993]. Являясь, по-видимому, потерей и недостатком, смерть наполняет жизнь смыслом. Смерть неизбежна, ничто не освобождает от смерти, ни знание, ни труд. «Трудись и трудись, а когда дотрудишься до конца, когда узнаешь все, то уморишься и померешь» [Платонов, 2019]. Но смерти нет для меня при жизни, а после смерти уже нет самой смерти, а только это «после». Никакой смерти нет, и в то же время она есть.

Противоречивое единство жизни и смерти предполагает, что и варианты отношения к смерти не будут однозначными. Одно из противоречий отношения к смерти заключается в выборе принимать смерть или нет. Очевидно, что мы не можем не принять смерть, если она случается. Наши внутренние усилия не в силах ее остановить. Вопрос только, как принять смерть, с каким настроением. Нравственным будет неприятие смерти как

зла, которому необходимо сопротивляться и не дать произойти, чтобы это зло не вошло в мир через меня, мою волю («не убий»). Не принимать смерть как порядок вещей, но принимать свою смерть в порядке вещей. Другое противоречие отношения к смерти состоит в выборе благоговеть перед смертью или презирать смерть. Благоговейное отношение связано с причастностью человека таинственным явлениям, таким как зачатие, душа, Бог, тому, что несравненно превосходит и объемлет его существование как по масштабам, так и по значению. Смерть вызывает благоговейный трепет естества. Вместе с тем презрение позволяет воспринять смерть трагически, как вселенскую неправду жизни, неестественное и уродливое явление.

Складывается несколько вариантов отношения к смерти. Принять смерть и благоговеть перед ней. Не принимать и презирать смерть. Принять смерть с презрением. Не принимать смерть с благоговением. Все варианты, при кажущейся противопоставленности, производны от человека, взятого не в разрозненности своих сил и проявлений, а в единстве естества, которое только целиком и может быть соотнесено со смертью. Различные грани человека, взятые как отдельные стороны его жизни, дают и разные варианты решения проблемы смерти. «Физика смерти... учит людей как лучше жить и обходиться со смертью, чтобы меньше мучиться. Метафизика смерти, перешагнувшая естественные границы этого мира и обогатившаяся божественным светом, учит думать о бессмертии и верить в него. Кто остановился на метафизике, будет спокойнее умирать, убаюканный прелестной сказкой о бессмертии души и перевоплощения. И только тот, кто соприкасается с вечностью уже в этой жизни за счет ее преображения, достигает реального бессмертия» [Фетисов, 2011]. Собранный человек в каждом моменте своей жизни близок к смерти, предстоит перед вечностью. Смерть вынуждает и побуждает человека целиком отвечать и включаться, когда речь заходит о смерти.

Христианское отношение к смерти исходит из понимания нынешнего состояния человека как противоестественного, греховного. Естественное состояние было до грехопадения, и вернуться к нему человек не может. Остается только путем преображения достичь сверхъестественного состояния. Сам человек не в силах вытащить себя из наличного греховного существования. Можно предвосхитить преображенное состояние, мысленно вообразить святую жизнь, но действительное изменение естества невозможно без Духа, «иже везде сый, и вся исполняяй». Смерть относится к теперешнему противоестественному состоянию естества, которое должно быть преодолено. История лагеря смерти Ясеновац опустошает душу и не укладывается в уме. «Мои мысли капают слезами. А чувства кипят скорбями. Все мое существо охвачено каким-то неугасимым пожаром скорби» [Преподобный Иустин, 1999]. Милующее сердце и восхищающая бесстрастность Духа позволяют вместить ужас жизни лагеря смерти Ясеновац. Сердце, расширенное духом до масштабов вселенной, становится способным обнять необъятное и пережить боль, превосходящую любые человеческие пределы. Наличный ужас жизни может быть воспринят бесстрастно при условии понимания слитности жизни и смерти, и различимости каждого человека имярек в потоке жизни. «Я когда-то убивался и изнывал, наблюдая звериную жестокость и кровавые страдания в животной и человеческой жизни. Но теперь я спокоен. Кто видел мало зла, тот хлопочет, суется, ерзает, ужасается и убивается. Но кто знает, что весь мир лежит во зле, тот спокоен, ибо самая эта суeta мира как лежащего во зле уже сама по себе предполагает, что мир не есть зло, что это его временное состояние, что существует истина и правда, превышая жизни, и что каждому велено природой отдать свою дань и злу, и добру» [Лосев, 1993]. Память смертная позволяет охватывать жизнь из будущего момента, сопоставлять мир как целое в его поврежденной наличности и видеть его не безнадежную обусловленность Богом.

Личное отношение к смерти включает в себя признание парадоксальности смерти для ума и неприятие для тела, понимание повседневной простоты смерти для потока мировой жизни и принятие как единственно верное для меня отношение. Презрение смерти телесной и одновременно благоговение перед смертью как событием жизни. Принятие своей смерти и одновременно неприятие смерти как космической закономерности, судьбы, рока. «Судьба – там, где непонятное и сильное, необозримое и могущественное врывается по неизвестным причинам в понятное, сознательно построенное, любимое и вообще человечески обозримое. Но тот, для кого общие основы жизни суть родные, для того, кто знает и любит свою Родину, все ее жизненные акты есть его собственные жизненные акты и ее необозримая и могущественная воля есть и его собственное интимнейшее вождение. Где же тут место судьбе? Это есть победа над судьбой и презрение смерти» [Лосев, 1993]. В конечном итоге, вопрос для меня заключается в том, как лично мне принять смерть. От рационального способа рассмотрения смерти отличается память смертная, которая не есть постоянное размышление о смерти, но осознание своей конечности. Память смертная позволяет сохранять трезвение, приводит к смирению и принятию жизни и смерти. «Помни последняя твоя и вовеки не согрешишь» (Сир. 7: 39). Память смертная – это осознанность смерти без заикленности мысли на смерти, попытка взглянуть на себя из будущего момента вечности, обозреть свою жизнь целиком. Не думать, а помнить о смерти «в надежде живота вечного».

Трагедия смерти заключается в немоте и бессилии, когда я наконец могу обозреть всю свою жизнь целиком, но уже не могу исходя из этого нового открывшегося взгляда жить по-другому, изменить жизнь, а только смотреть на свою жизнь как бы со стороны, как душа смотрит на тело, которое она покинула, когда уж нельзя ничего изменить и вернуть. Это не тот взгляд на себя изнутри драмы жизни, когда я осознаю и понимаю эту жизнь, имею язык для описания и возможность изменения. Это взгляд на свою жизнь со стороны, как будто она уже не принадлежит мне, а может и не принадлежала никогда, и вся без остатка причастна тому всеобщему, необъятному потоку мировой жизни, который явился через мою жизнь. Вся схваченная в моменте смерти жизнь предстает как драма на фоне трагедии смерти. Смерть – это граница, за которой мы не знаем, но только можем верить, что есть жизнь. А если есть, то какая это жизнь? Похожа ли она на нынешнюю жизнь или совсем иная? И если есть жизнь после смерти, то что переходит в ту жизнь? Что переходит черту смерти и продолжает существовать? И жизнь ли это в привычном для нас смысле слова?

Список источников

1. Платон. 1993. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М., Мысль, 528 с.
2. Рильке Р.М. 1977. Новые стихотворения. Новых стихотворений вторая часть. М., Наука, 543 с.
3. Рыжий Б.Б. 2012. В кварталах дальних и печальных: Избранная лирика. Роттердамский дневник. М., Искусство-XXI век, 576 с.

Список литературы

1. Варава В.В. 2005. Этика неприятия смерти. Воронеж, ВГУ, 240 с.
2. Даренский В.Ю. 2016. Смерть как ценность культуры. Международный журнал исследований культуры, 2 (23): 62–73.
3. Лопатин Л.М. 2004. Статьи по этике. СПб., Наука, 360 с.
4. Лосев А.Ф. 1993. Жизнь. М., АО «Комплект», 535 с.
5. Платонов А.П. 2019. Котлован. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 192 с.

6. Преподобный Иустин (Попович). 1999. На Богочеловеческом пути. СПб., Владимир Даль, 300 с.
7. Розанов В.В. 2016. Вечная тема. В кн.: Русская философия смерти. Антология. М., СПб., Центр гуманитарных инициатив: 176–179.
8. Фетисов В.П. 2011. Солнце не заходит. Труды по нравственной философии. Воронеж, ВГЛТА, 518 с.

References

1. Varava V.V. 2005. Etika nepriyatiya smerti [Ethics of rejection of death]. Voronezh, Publ. VGU, 240 p.
2. Darenskiy V.YU. 2016. Death as a Cultural Value. International Journal of Cultural Research. 2 (23): 62–73. (In Russian).
3. Lopatin L.M. 2004. Stat'i po etike [Articles on ethics]. Saint Petersburg, Publ. Nauka, 360 p.
4. Losev A.F. 1993. ZHizn' [Life]. Moscow, Publ. AO «Komplekt», 535 p.
5. Platonov A.P. 2019. Kotlovan [The Foundation Pit]. Saint Petersburg, Publ. Azbuka, Azbuka-Attikus, 192 p.
6. Prepodobnyj Iustin (Popovich). 1999. Na Bogochelovecheskom puti [On the God-Human path]. Saint Petersburg, Publ. Vladimir Dal', 300 p.
7. Rozanov V.V. 2016. Vechnaya tema [Eternal theme]. V kn.: Russkaya filosofiya smerti. Antologiya [Russian philosophy of death. Anthology]. M., SPb., Publ. Centr gumanitarnyh iniciativ: 176–179.
8. Fetisov V.P. 2011. Solntse ne zahodit. Trudy po нравstvennoj filosofii [The sun does set. Works of moral philosophy]. Voronezh, Publ. VGLTA, 518 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лосев Александр Владимирович, кандидат философских наук, свободный исследователь, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Losev, PhD in philosophy, free researcher, Russia